

ЖЕНСКИЕ ОБРАЗЫ В РОМАНАХ Т. КАСЫМБЕКОВА

В исторических романах Толегена Касымбекова «Сломанный меч», «Баскын», «Кыргын» женские образы занимают особое место.

Например, героиня романа «Сломанный меч» Айзада – наделена сильным характером, которая выразилась в ее борьбе за свою свободу, в отрицании ею старых косных законов шариата. Она неистово боролась, чтобы защитить свою независимость. Перед собравшимися мужчинами, она откинула свой платок и, смело глядя, сказала: «...Я не уйду. Я уберу косы под тебетей, я заменю старикам их погибшего сына. Я честно буду заботиться о них, выполнять любую работу. Я заменю Болоту старшего брата. С нынешнего дня я в вашем аиле не невестка, а равный всем вам сородич...».

Айзада – очень цельная, сильная натура, стремящаяся к счастью. Она в романе высится в рост легендарных женщин из эпоса «Манас». Она уверена в правоте выбранного ею пути и поэтому ее не остановит никакая преграда, даже сама смерть.

Кундуз – единственная дочь Сарыбая – соколятника, еще девочкой была насильно отдана в гарем хана. Духовно сильная Кундуз, уходит к своему народу, в горы, чтобы там воспитать своего сына, не наследником престола, а тружеником.

С особой симпатией и лиричностью раскрываются женские образы и в романе «Баскын». В сравнительно поздний период, перед приходом русских, в Кокандском ханстве пользовалась большой популярностью и уважением Курманжан.

Образ Курманжан датхи вобрал в себя лучшие качества кыргызских женщин. В романе она наделена не дюжиной силой воли, мудростью и любовью к своей земле, к своему народу. Она неординарна, и очень привлекательна именно этой своей неповторимой оригинальностью.

Ее характер проявляется в самые трагические для народа дни. Повествует нам о том, как достигшая преклонного возраста Курманжан, совершает длинный путь верхом из Алая в Ташкент, чтобы встретиться с генерал – губернатором Туркестана бароном Вревским. Эта встреча наиболее ярко раскрывает нам ее внутренний мир, ее высокий дух, ее бесстрашие, когда вопрос касается судьбы народа. Курманжан – носительница прогрессивных идей.

Курманжан датка выделяется в системе образов своей колоритностью и запоминаемостью, хотя появляется на страницах романа, только эпизодически, в сцене возвращения сына Маамытбека домой из Сибири. Но даже в таком коротком эпизоде писателю удалось раскрыть величие женской натуры. У

кыргызов существует древний обычай, согласно которому самому дорогому гостю, в знак уважения дарят коня. Маамытбек был известен в народе больше, как сын легендарного Алымбека датки, слава о котором разнеслась далеко за пределы Алая. По пути в Алай Маамытбек гостевал во многих юртах и каждый, кто привечал его у себя, считал своим долгом подарить ему коня. Иногда даже самый последний бедняк отдавал ему своего последнего коня – кормильца семьи. Маамытбек вернулся в Алай, имея целый табун лошадей.

Нахмури в брови слушала Курманжан сына. В ее ответе звучит недовольство и боль за неразумного сына, как она считает, опозорившего своим поступком весь род. Курманжан восприняла такое поведение Маамытбека как кражу чужого скота. Она с гневом называет его «барымтач».

В романе «Кыргын» автор образом Шааке раскрывает положение кыргызской женщины в семье, где отношения строились на патриархальной основе. Находясь под полной опекой и в подчинении мужа, она все же пользовалась относительной свободой и самостоятельностью в ведении домашнего хозяйства. По мысли С.Абрамзона, в отдаленном прошлом роль женщины в кыргызском обществе была высокой. Имена отважных кыргызских женщин, помогавших в самые трудные минуты своим мужьям, сохранились в эпосах. Любопытно указание, что кыргызские «женщины властей не признают». Один из русских путешественников рассказывал, как кыргызки ругались с казаками, грабившими их добро, как храбро отстаивали, не страшась насилия грабителей, свои права полновластных хозяек дома.

Обычай ношения паранджи и чачбана не был известен тем мусульманским народам Средней Азии, которые занимались скотоводством и вели кочевой образ жизни. Объяснялось это очевидцами тем, что кыргызы в их глазах были чуть не безбожниками, мало приверженными к обрядам ислама, и чаще всего их совсем не знали. По той же причине и шариат со всеми его гнусными правилами, унижающими человеческое достоинство женщин, не пользовался у кыргызов признанием или авторитетом. Все это наложило печать на своеобразное положение кыргызки в семье и обществе.

Во всяком случае доля кыргызки по сравнению с положением женщин у других народов Средней Азии была если не более счастливой, то более благоприятной для ее развития.

Образом Шааке писателем показано традиционно особое положение женщин в семье и быту,

своеобразие исконных обычаев и норм ее жизни и поведения. Женщина у всех народов уважаема и чтима. Во все времена была предметом поклонения и на Востоке. Образ Шааке – это образ женщины хранительницы домашнего, семейного очага. Она реалистична и создана с большим мастерством. В самые тяжелые минуты Шааке понимала и поддерживала своего супруга Шабдана. Он, в свою очередь, очень ценил и уважал ее за терпение и безграничную любовь к нему. Ее мудрость раскрывается в сцене проведения годовщины со дня смерти Шабдана.

Когда она видит, что никто из ближайших родственников не желает исполнять свой долг, как того требует древний обычай, взять на себя ответственность за организацию и проведение поминок, она принимает единоличное решение, отправить в далекий Алай, к сыну Курманжан датчи Маамытбеку, гонца, с просьбой прибыть в Чон – Кемин. Маамытбек, помня, как в далекие годы, когда он возвращался из сибирской каторги в Алай, Шабдан приветил его, как родного сына и, провожая в долгий путь, подарил ему скакуна, ранним октябрьским утром появился у юрты баатыра. Благодаря Маамытбеку поминки по баатыру Шабдану прошли помпезно. Съехалось более сорока тысяч человек из Верного, Аулие – Аты, Ферганы, Ташкента, Сырдарьи. Было поставлено более трех тысяч юрт.

Такого же рода сведения мы находим в народном предании. Предание гласит о том, что на поминки прибыли такие известные в то время акыны, как Эшмамбет и Токтогул. Из народных игр большое место отводилось скачкам (ат чабыш). На скачках участвовали специально прибывшие из России скакуны: «Лира» Малышева и «Жакерия» Радкевича. Лермонтовская «Заза» и «Джан» Бычкова в виду дальности поездки не участвовали. Победителем скачек стал конь по имени Чаар, принадлежавший кыргызу Борончу, который намного опередил Жакерию Бычкова.

Закиров утверждает, что появление на поминках русских любителей скакунов, было неслучайным. В архивных документах географического общества России, он нашел документы, свидетельствующие о настоящей цели. Оказалось, что от этой поездки во многом зависела судьба кыргызских скакунов. Царь требовал узнать целесообразность дальнейшего разведения кыргызских коней. По утверждению Закирова, прибывший с этой миссией С.Дмитриев, позже в своем отчете императору сообщал, что равных кыргызским скакунам нет, поэтому их следует беречь и размножать.

Целомудрие Шааке показано и в эпизоде появления на поминках русского паренька Михаила, который причитал по усопшему баатыру: «...о-о-о..баурым...», «...О, акем ау...» Писатель дает

широкую панораму народного мнения, для того, чтобы заострить внимание читателя на своей героине, чтобы четче оттенить ее из серой толпы, окружавшей ее. Шааке байбиче, как и подобает жене великого человека, дает мудрый ответ, заставивший немедленно замолчать сплетников.

Писатель в своей героине раскрывает ее высокий культурный уровень, который проявляется в глубоком уважении древних национальных традиций и обычаев. Мужской головной убор издревле считается святой вещью. Ему придают особый статус и он обязательно должен иметь свое почетное место. Головной убор обычно передается сыну, оставшегося за старшего в семье. В романе Шааке передает «тебетей» - шапку баатыра с меховой оторочкой Маамытбеку, которого Шабдан любил как своего сына.

Люба – дочь Кузьмина так же наделена качествами очень цельной, твердой в своих убеждениях женщины. В одном из столкновений Кузьмин погибает, и Жайлообай забирает к себе маленькую Любу, которую вырастил и воспитал, как свою родную дочь. На перевале, при бегстве в Турпан, Жайлообай отдает свою жизнь, чтобы спасти своего родного сына Тайлака и Любу. И в том, что двое молодых людей полюбили друг друга, заключен глубокий смысл. Никакая власть, никакая война не в силах убить силу любви, которая не знает ни преград, ни национальных различий.

Ее смелость, и преданность своему любимому проявились в сцене, когда в далекий Китай за ней приезжает представитель Российского посольства, чтобы вернуть ее на родину, она отвечает решительным отказом, заявив, что никогда не расстанется с Тайлаком. Став приемной дочерью Жайлообая, она выросла среди кыргызского народа и впитала в себя лучшие народные традиции и обычаи. Даже упоминание имени ее родного брата Германа, не поколебали ее решения остаться с мужем. Трагическая смерть Любы, которая была убита коварным горбуном, отражает судьбу всего кыргызского народа, оказавшегося на чужбине легкой добычей для подлецов.

Беременную Любу злодейски убивает безобразный горбун Буку, которого приютил в своем доме сердобольный Тайлак. Подобно царским палачам, уничтожавших народ не пулями, а в целях ее экономии вилами, саблями, шашками и косами, вероломный Буку умертвляет Любу коварным ударом топора в затылок. Буку символизирует уродливое лицо того жестокого времени, той системы, которая убивала чистых, непорочных людей, как Люба, и ее не родившийся ребенок. Она, эта система (царская власть), ненавидела человечество, доброту, отзывчивость и широту души, на которой держится земля. Она уничтожала их в зародыше.

В одном из своих интервью писатель сказал: «По правде говоря, мне никогда не удавалось создать

отрицательные женские образы. Я всегда считал женщин святыми. В трудные времена тяжелая плеть общества ложилась, в первую очередь, на спины женщин. А трагические судьбы Айзады и Кундуз, их борьба за светлую любовь, не могут никого оставить равнодушными».

Литература:

1. Касымбеков Т. Элим деген эр азамат. - «Кыргызстан аялдары», 1989, №8
2. Абрамзон С. Очерк культуры киргизского народа. Фр., 1946.
3. Кадыров Ш. Записки и отчеты русских путешественников как источник по истории Киргизии второй половины 19 века. Фр., 1961.
4. Закиров С. Кыргыз санжырасы. Б., 1996.